ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.373

А.М. Архангельская

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БИБЛЕИЗМА *ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ* В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерством образования, молодежи и спорта Чешской Республики специальных научных исследований в Университете им. Ф. Палацкого в Оломоуце (грант IGA_FF_2020_013).

Рассмотрен трансформационный потенциал фразеологического библеизма *волк в овечьей шкуре* в современной русской речевой реальности, система собственно языковых и неязыковых стимулов обновления фразеологизма в речи, структура его трансформационной парадигмы, удельный вес системной и асистемной обусловленности фразеологических трансформов с использованием методов текстовой идентификации фразеологических трансформаций, фразеологического моделирования, компонентно-вариативного, историко-этимологического и лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: фразеологический библеизм; актуализация; русская речь; фразеологическая модель; трансформация; трансформационная парадигма; внутренний трансформационный потенциал; внешний трансформационный потенциал.

Библеизмы – слова и выражения, уходящие своими корнями в «материнский дискурс» Книги книг, надежно вошли в хранилища лингвокультурной памяти человечества в качестве образно переосмысленных и структурно неразложимых идиоматических единиц. Обойденные надлежащим вниманием в советское время, они вопреки всему сохранили свое присутствие в языке и его пространстве¹, ведь «в языковой системе всегда находятся внутренние силы, препятствующие автоматическому переключению регистров при очередной смене политических вех» [3. С. 3].

Постсоветская эпоха по-особому включает их в свой культурный «слой»: фразеологические библеизмы (ФБ) обретают новую жизнь, в одних случаях надежно «удерживая» в новых для них текстах свой исходный смысл, в других – утрачивая некоторые прежние смысловые оттенки и приобретая другие, адаптируясь к условиям жизни в пространстве развивающегося языка и системе координат общественного мышления, которое возвращается к своим истокам. Библейские выражения, ставшие основой ФБ, не только не превратились в застывшую массу устаревших и устаревающих единиц – они, напротив, стали источником многочисленных трансформаций и окказиональных обновлений, обнаруживающих специфику адаптаций библейских сюжетов в разных языках [4–6, 2].

В центре внимания данного исследования – социальная и трансформационная востребованность ФБ *волк в овечьей шкуре* в современной русской речи, система собственно языковых и неязыковых стимулов, «разрешающих» различного рода обновления, структура его трансформационной парадигмы, удельный вес системной и асистемной обусловленности фразеологических трансформов, характер порождающего культурного и актуального общественно-политического контекста. ФБ рассмотрен как текстообразующий элемент с использованием методов текстовой идентификации трансформов, фразеологического моделирования, компонентно-вариативного, историко-этимологического и лингвокультурологического анализа. Статья выполнена на материале текстов художественной литературы, российских и русскоязычных

печатных и электронных масс-медиа, текстов интернет-форумов и блогов начала XXI в.

В случае с библеизмами как интертекстуальными репрезентантами так называемой культурной фразеологии именно «материнский» прототекст вскрывает информацию, определяющую возможности использования ФБ в окказиональной форме. Идиома *волк в овечьей шкуре* восходит к Евангелию от Матфея. Используя этот образ, Иисус Христос предостерегает своих современников от лжеучителей и лженаставников: «*Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные*» (Матв., 7, 15). Выражение получает переносное значение уже в Библии путем «сжатия» и перегруппировки формальных доминант при сохранении смысла и аксиологической коннотации прототекста с актуализацией исконно имплицитированного в нем компонента *в шкуре* (изначально – *в одежде*). Особая роль в структуре ФБ принадлежит метафоре переодевания в «лживую одежду» и символам-зоосемизмам аксиологически-оценочного характера *волк – овца (овечий)*. Актуализируясь во внутренней форме, зоосемизмы становятся антропоориентированными и отражают отрицательную оценку всей протоситуации. Сущность метафоры переодевания – во внешней маскировке собственной (внутренней) природы, сущности, намерений. Переодевание «не в свою одежду» представляет собой разновидность лжи, поддерживающей иллюзию правды [7. С. 6–7].

В целом здесь можно говорить о широком проявлении библейской символики: символичен не только сам текст, произнесенный Иисусом, но и субъекты прототекста – *волк* и *овца (овечья одежда)*. Исконной мотивационной доминантой праславянского **vylkъ* М. Фасмер считает признак «растерзывающий», сюда же *волоку* [8. С. 338], праславянское **ovъsa* – одно из наиболее древних слов, исходные смыслы которого, по мнению О.Н. Трубачева, малодоказуемы, но объяснение **onis* из и.-е. **eu* «одевать» более других заслуживает внимания. Индоевропейское **onis* может быть понято как отглагольное именное производное, обозначающее животное по густому шерстяному по-

крову, который действительно производит впечатление чего-то одетого сверху [9. С. 70]. В библейской (христианской) традиции зоосемизмы приобретают следующие атрибуты: *волк* – дикое, лютное, хищное животное и страшнейший враг овец; он – зло, погубитель паствы, воплощение жестокости, хитрости и ереси, *овца* – покорное, миролюбивое, послушное, ведомое создание (паства) (Ис. 65, 25, Матв. 7, 15).

Образ, легший в основу ФБ *волк в овечьей шкуре*, имеет глубокие культурные корни и связан с зооморфным кодом культуры, в котором имена животных осмысливаются как знаки «языка» культуры, указывающие на определенный комплекс качеств. При этом *волк* выступает как символ хищности, жестокости и агрессивности, *овца* – символ кротости и смирения. По мнению В.Н. Телия, во фразеологическом образе находят отражение древнейшие мифологические представления об оборотничестве как способности менять телесную оболочку [10]. Контрастивная пара *волк* ↔ *овца* – вышедшая из «материнского» мифологического и библейского дискурса квазиантонимическая оппозиция, обладающая мощными культурноносными смыслами. Ее составляющие стали словами, которые вызывают в сознании носителей языка характерные для многих культур устойчивые ассоциации: злой, кровожадный, агрессивный, властвующий ↔ добрый, миролюбивый, смиренный, подчиненный (жертва)². Сегодня выражение *волк в овечьей шкуре* разг. неодобр. обозначает опасного человека-лицемера, прикрывающего свое злонамерение мнимым благочестием, личиной добродетели [10, 11]. Примечательно, что А.И. Федоров квалифицирует его как устаревшее [12], однако же востребованность ФБ в современной русской речи свидетельствует в пользу его перехода в разряд фразеологических актуалем нашего времени.

Вопрос о факторах, стимулирующих и «разрешающих» различного рода обновления содержания и формы фразеологизма, открывающих путь к фразеологическому моделированию, сегодня пытаются решить многие исследователи, полагая, что преобразовательный потенциал может быть обусловлен грамматической структурой, структурно-семантической и синтаксической моделью, изоморфизмом содержания и формы, отдельными смысловыми и образными особенностями, культурным фоном прототекста, наличием слов-детерминантов, степенью десемантизации компонентов, их системными свойствами, стилистическими характеристиками (В.Д. Ужченко, В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Х. Вальтер, И.Ю. Третьякова и др.). Особое место в этом ряду В.М. Мокиенко отводит привычности, известности, узнаваемости фразеологизма коллективом говорящих, его «обкатанности» языковой системой [13. С. 11], что во многих случаях приводит к десакрализации и использованию выражения широким кругом носителей языка вне связи с первоисточником. По его мнению, функционирование ФБ в большей степени зависит от собственно языковых параметров (структуры и семантики выражения), нежели от характера их источника, т.е. чисто экстралингвистических особенностей. По этой причине авторы медиа- и художественных текстов обращаются к

ФБ, руководствуясь их «структурно-семантической инерцией». ФБ оказывается так называемой «структурной моделью», по которой образуется трансформационный ряд окказиональных его преобразований. В итоге преобразованию подвергается главным образом формальная сторона библеизма, а не его библейская сущность [14. С. 149]. Однако и «материнский прототекст» оказывается небезразличным для дальнейших обновлений фразеологического библеизма, легко «узнаваемого» языковым сообществом.

Совокупность трансформов БФ *волк в овечьей шкуре* в современной русской речи дает возможность говорить не только о его высокой преобразовательной востребованности, но и о наличии его трансформационной парадигмы. Ее структура состоит из 1) уровня преобразований формы и содержания узуального фразеологизма-инварианта и 2) преобразований как следствия взаимодействия ФБ с фразеологической конфигурацией и фразеологического моделирования. В первом случае система стимулов, «провоцирующих» преобразования инварианта ФБ, имеет *внутренний характер*, ибо «разрешающие» импульсы к обновлению структурно-семантической модели исходят от различных «собственных» элементов его внешнего и внутреннего содержания. Во втором речь идет о *внешнем векторе* фразеологического моделирования, связанного с включением ФБ (в узуальном или преобразованном виде) в иную фразеологическую модель на правах расширителя, во фразеологическую конфигурацию, в процесс фразеологического моделирования. И на том, и на другом уровне «разрешительные» стимулы трансформаций имеют главным образом системный (ожидаемый) характер [15, 16], однако в ряде случаев выходят за рамки предопределяемых системой парадигматических, синтагматических и ассоциативных связей в пространство лингвокреативного мышления автора, обнаруживая неожиданные интеракции структуры и семантики известного библейского прототекста и нового для него художественного или медиатекста. При систематизации фразеологических трансформаций ФБ *волк в овечьей шкуре* по типологии А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [17. С. 3–35] мы учитывали их значительную гетерогенность, наличие мощных интеракций формальных и семантических преобразований, идентифицируемых в актуальных контекстных употреблении.

Базовым преобразовательным импульсом в нашем случае является сама энантиосемичная структурно-семантическая модель с внутрифраземной поляризацией семантических регистров: *волк* – агрессивный, *овца* (овечий) – покорный, пугливый, так называемая фразеологическая антитеза, типовое значение которой основывается на противоположении двух логически несовместимых понятий в рамках устойчивого словосочетания [17. С. 28]. Именно метафора переодевания в «лживые одежды», «встроенная» в модель прототипа, выступает основным стимулом обновления и формы, и семантики ФБ. Его трансформация, «разрешаемая» и стимулируемая системой языковых и неязыковых импульсов, «возникает с появлением конкретной «привязки» к реалиям окружающего мира за

счет узнаваемости модели, «просвечивающей» сквозь форму новообразованной единицы» [18. С. 30]. Ее цель – доведение до адресата авторского отношения к конкретным явлениям, событиям современной и автору, и адресату действительности.

Внутренний преобразовательный потенциал ФБ волк в овечьей шкуре

Импульсами и стимулами внутренних преобразований ФБ в границах формы и содержания фразеологизма-инварианта оказываются прежде всего системные парадигматические и синтагматические, в том числе и ассоциативные связи компонентов. Они включают основные элементы семантики, формы и образной основы производящего фразеологизма, видоизменяя, развивая фразеологическое значение и образный его план с сохранением структурно-семантической модели прототипа.

В сегменте внутреннего уровня трансформаций структурно-семантического характера значительное место принадлежит **амплификации** – расширению компонентного состава ФБ за счет различного рода конкретизаторов, сосредоточенных вокруг базовых для ВФ символических компонентов *волк – овца (овечий)*. Семантически «сильный» компонент **волк** актуализируется за счет введения в текст ассоциативных подобразов-атрибутов хищного животного, выдающих его злые намерения, как-то: *клыки, (крепкие) зубы, оскал, волчья шерсть, щетина, волчьи уши: Сколько бы волк ни рядился в овечью шкуру, зубы у него по-прежнему на месте* (Msn.ru, 10.09.2019); *Польский генерал Петр Блазеуш сравнил Россию с волком, который сбросил овечью шкуру и показал клыки* (Slovodel.com, 13.08.2017). В некоторых случаях такой подобраз оказывается единственным языковым репрезентантом волка: *Вроде не жаловался Кукушкин и овечью шкуру на свою волчью шерсть не напяливал* (Б. Васильев. Самый последний день). Вполне предсказуемы и атрибуты, выдающие его «волчью» сущность, – *жестокий, хищный, безжалостный, суций, непримиримый, коварный* и под.: *На самом деле в овечьей шкуре сидит хищный волк, который просто прикидывается безобидным барашком* (Radisputnik.ria.ru, 29.03.2016); *Коварен волк в овечьей шкуре* (Inpearls.ru, 17.11.2019). Компонент волк приобретает в речи и иные атрибутивные конкретизаторы, в одних случаях отсылающие к фрагментам «материнского» прототекста (*библейский, велеречивый* и под.): *Самые страшные люди – лже-пророки, волки в овечьей шкуре, неплохая мишень для незрячих и глухих людей* (Facebook.com, 23.06.2019), в других – иллюстрирующие адаптацию выражения к актуальному содержанию медиатекста: *При поддержке народа Украины к власти пришли «вороватые» волки в овечьей шкуре* (Cenzor.net, 08.12.2019). Имеют место и персональные конкретизаторы; *«Волк» Печеров сбросил овечью шкуру* (Glavred.info, 20.01.2018). В современной русской речи встречаем и двойную актуализацию компонента волк: *Волки бывают разные. Бывают и двуногие, в овечьей шкуре. Эти, говорят, и есть самые голодные и опасные* (Дж. Уайт-Мелвилл. Волчица).

Широко представлена в трансформах и **субституция** – замена компонента *волк* при сохранении структурной синтаксической модели *«КТО» в овечьей шкуре* и семантики «о том, кто прикрывает свои злые намерения маской благочестия». В части случаев субститут представляет тематическую группу предсказуемых зооморфизмов витальной семантики, именующих животных, жизненно опасных для человека – *шакал, лев, (бешенный) пес* и др.: *Поистине, вы лев в овечьей шкуре, которую мечтаете сбросить...* (Guiderality.net, 20.01.2020). *Нельзя обойти вниманием и название доклада Центра европейских исследований В. Мартенса относительно потенциала «мягкой силы» России, названного «Медведь в овечьей шкуре»* (Picready.ru, 26.10.2016), где имеет место двойная метафоризация *волк → человек → медведь → Россия, или создание на основе модели ФБ особого зооморфного образа: Маскирующийся под мягкотелого руководитель выглядит львом с лисьей головой в овечьей шкуре* (Н. Макиавелли и др. Принудительный менеджмент а-ля Макиавелли). *Образы других животных также оказываются «втянутыми» в сравнение с образом волка в овечьей шкуре на основании их кажущейся безопасности или мило-симпатичной внешности: Большая панда – волк в овечьей шкуре* (Наука и жизнь, 01.01.2020), *Гусеница Эпипомпонья – паразит в овечьей шкуре* (Batrachospermum.ru, 09.08.2018). В качестве субститутов компонента волк засвидетельствованы наименования лиц по их идеологическим приоритетам: *Революционеры в овечьих шкурах Афонских монахов* (Proza.ru, 23.11.2017), по роду деятельности, предполагающему агрессию и давление: *Коллекторы натягивают овечьи шкуры* (Antiraid.com, 28.09.2009) и под. Имеют место факты облачения в овечью шкуру мифологического персонажа: *Циклоп в овечьей шкуре* (Н. Веневитинов. План Д). В ряде трансформов при замене компонента волк на антропоним включается механизм языковой игры: *Волков в овечьей шкуре* (Kz.media, 03.12.2019). Иногда семантика субъекта сводится лишь к местоименной вопросительности: *А кто любит прятаться... в овечьей шкуре?* (Otvvet.mail.ru, 21.11.2009).

Однако во многих случаях замена компонента приводит к деформации синтаксической модели ФБ за счет девитализации ключевого ее компонента *«ЧТО» в овечьей шкуре*. В качестве субъекта переодевания здесь фигурируют конкретные существительные, именующие банки, разного рода объединения и фонды, СМИ, государства, футбольные команды, автомобили и под.: *Москоммерцбанк в овечьей шкуре* (Bloknot-Volgograd.tu, 12.09.2012); *Некоторые российские СМИ сбросили овечьи шкуры и показали волчий оскал предателей* (Livejournal.com, 21.10.2015), *отвлеченные (смерть, зло): Смерть в овечьей шкуре* (название книги А. Москвина), *собираательные: Украинские власти – волки в овечьей шкуре* (Tzvezda.ru, 14.02.2017), наименования с отвлеченной процессуальной семантикой: *Драйв в овечьей шкуре. Почему в России не ценят BMW Active Tourer* (Kommersant.ru, 14.03.2016). Образ ФБ оказывается применим и к кинофильму, и литературному гротеску: *Волк в овечьей*

шкуре – вот чем, пожалуй, являются **«Голодные игры»** в мире современных подростковых книго- и киносерий (А. Пускальн. *Антиутопия в овечьей шкуре*). Внедрение ФБ в актуальный контекст вызывает изменения его семантики «лишь на время притвориться слабым, бессильным, бездейственным»: *Но ЦСКА предпочел облачиться в овечьи шкуру – сыграть ярко выраженным вторым номером и подкараулить соперника контратакой* (Sport-express.ru, 15.09.2015).

Примечательны и внутренние **морфологические преобразования** компонента *волк в волчицу*, подчеркивающие не только женский пол субъекта, но и благодаря атрибутивным расширителям *бешеная, безумная, пожирающая своих и чужих детей* и под. усиливающие семантику «хитрый», «коварный», «крайне опасный», «беспринципный»: *Волчица в овечьей шкуре – подлая и коварная* (Lady.mail.ru, 7.10.2013). В образах *волчиц в овечьей шкуре* часто предстают жесткие и двуличные женщины-политики, а в сферу атрибутивных расширителей попадают конкретизаторы, недвусмысленно намекающие на черты их характера, привычки, имидж: *Сколько бы волчица ни одевала на себя овечью шкуру (или вышиванку), овечкой не станет!* (Cenzor.net, 04.06.2012) – об одиозном украинском политике Юлии Тимошенко. Двуличные перевоплощения волка в волчицу, еще более опасную, происходят за счет ее облачения в одежду *ягненка*, за которым в языковом сознании закрепились атрибуты «мирный», «безобидный»: *Волчица в шкуре ягненка* (песня в исполнении певицы Анастезии), вполне доброжелательного сказочного персонажа: *Коварен волк в овечьей шкуре. Но еще опаснее хитрая волчица в обличье Красной Шапочки* (Inpearls.ru, 17.11.2019) или ангела: *Волчица в маске Ангела* (А. Бойко). В ряде случаев такие трансформы оказываются персональными: *Меркель обозвали «альфа-волчицей в овечьей шкуре»* (Rd.-rb.de, 31.08.2012). Звериная и двуличная сущность субъекта предстает и в примере замены *волчицы* на женскую особь иного хищного и опасного животного (*львицы, тигрицы, суки*): *Гозиас – противная, лживая сука в овечьей шкуре* (Dom2.club, 22.03.2017). Встречаются и факты девитализации компонента *волчица*, сообщающие трансформу контекстную семантику мнимости ожидаемого отрицательного эффекта: *А волчица-то в шкуре овечьей...* (Drive2.com, 12.12.2019) – о сверхмощном автомобиле Mercedes E с относительно скромным дизайном. Еще один пример – употребление абстрактного понятия в качестве атрибута волчицы: *Нелюбовь-волчица в овечьей шкуре, ложь в маске правды* (Solnechnayaras.com, 18.08.2018).

Компонент **овечья шкура (шкура овцы)** представляет ряд трансформаций с актуализацией символики «иногое», «другое». С помощью **амплификации** – расширения состава ФБ несогласованным определением – достигается указание на личину (*митотворца, добродетеля, заботы о «старых» и «малых», «больных» и «немоощных», потребностей каждого и т.п.*), под которой скрываются злые намерения: *Надевать на себя овечьи шкуры демократов* (Zavtra.ru, 07.08.2013). Среди согласованных определений встречаем *проверенная, облезлая, изрядно по-*

трепанная, хилая, белая и др.: *Волки в белых овечьих шкурах запротестовали – «Большинство из нас вегетарианцы!»* (Polismi.ru, 24.08.2018).

Имеют место и факты **субституции** – замены *овечьей шкуры* на иную, но также хорошо скрывающую истинные намерения субъекта путем включения в форму обновленного ФБ несогласованного определения: *Волк в шкуре джентльмена* (Об Ахмеде Акаеве, причастном к трагедии Норд-Оста) (Mk.ru, 02.12.2002); *Волк в шкуре клоуна* (о Владимире Жириновском) (Livejournal.com, 06.01.2020). В отдельных случаях – с буквализацией *овечьей шкуры* через контекстное ее соположение с *соболиной* (одной из самых дорогих) шубой: *Лучше волк в овечьей шкуре, чем волк в соболиной шубе, особенно, если деньги на последнюю взяты из госбюджета* (В. Липовская. Об одном человеке). Нельзя обойти вниманием единственный из обнаруженных нами трансформов, представляющий замену шкуры волка на человеческую и, как следствие, полную нейтрализацию узуральной отрицательно-оценочной семантики выражения: *Волк в овечьей шкуре* (Ology.sh, 12.12.2019) – о профессоре, докторе биологических наук этологе Ясоне Бадридзе, много лет изучающем поведение волков и принимающем их за своих собратьев.

Многочисленные трансформы ФБ свидетельствуют об **импликации**, факте, когда компонент *овечья шкура* как символ двуличного перевоплощения принимает на себя роль семантически сильного компонента и употребляется самостоятельно, вне связи с ее «носителем»-волком: *Загадка овечьей шкуры* (LB.ua, 09.11.2012); *Притворяться нет надобности. Даже хилая овечья шкура демократической фразеологии сбрасывается* (С. Кара-Мурза. Опять вопросы вождям). Подобное употребление имплицатива влечет за собой и смысловые сдвиги – трансформацию *овечьей шкуры* в символ покорности: *Сбросьте овечьи шкуры! Пора сбросить овечьи шкуры и показать кремлевской волчьей стае собственные крепкие зубы* (Chitalna.ru, 18.07.2017) или в синоним злокозненной выдумки: *«Идеальный тип» бюрократа предстает как злокозненная выдумка, «овечья шкура», под которой прячется бюрократический волк* (Iphras.ru, 24.01.2020).

Имеют место и факты **двойной актуализации** (буквализации) значения компонента *овечья шкура*: *Из объявления: Куплю овечью шкуру. Волк* (Inpearls.ru). Адаптируясь к специфике актуальных контекстов, овечья шкура как одежда «подгоняется» их авторами под ее «носителя»: *Рядился волк в овечью шкуру – И снизу мерил, и с боков. Подрезал хвост, сменил фактуру плешивой шерсти и зубов* (В. Ивашковец. Рядился Волк в овечью шкуру), от чрезмерного употребления изнашивается, ветшает и требует починки: *Пришлось и этим волкам примерять овечьи шкуры. Но все бы ничего, но шкура давно сгнила и в ее дырах отчетливо виден волчий оскал...* (Topwar.ru, 21.05.2014), иногда сползает в самое неподходящее время, обнажая истинную сущность: *Власть щедро раздавала обещания, старалась быть дружелюбной, с трудом удерживая постоянно съезжающие овечьи шкуры* (Mossovet.tv, 02.08.2013), до-

ставляет неудобства ее «носителю»: *По себе знаю – как ни пытаюсь влезть в овечью шкуру – жмет. И рвется...* (Livejournal.com, 28.08.2014).

Примечательно, что во многих трансформах ФБ появляется вполне предполагаемый, но не выраженный формально в узуальной форме глагольный компонент, буквализирующий семантику объекта-шкурки как реальной одежды: *надевать, примерять, натягивать, напяливать, накинуть (на плечи), набросить (на спину), рядиться (обряжаться), сбросить, снять, срывать* и под.: *Задавшись целью вырядить волка в овечью шкуру...* (Atheo-club.ru, 24.01.2020); *Я уже начал привыкать к злему маскараду, на котором мы все время вертимся с Жегловым, приподнимая на людях маску, чтобы выволочь волков из овечьих шкур* (А. Вайнер. Б. Вайнер. Мерона Давыдовна с Малой Бронной), а также адвербиальный конкретизатор глагола *старательно, с трудом, кряхтя, нехотя* (втискиваться), *из всех сил*: *Социальные хищники и паразиты быстро прибирают к лапам самые хлебные места и кряхтя напяливают на себя овечьи шкуры...* (Novomirpmr.com, 08.09.2009).

«Разрешительным» стимулом к преобразованию ФБ оказывается и **морфологическая конверсия** как системная возможность трансформации глагола в отглагольный субстантив, содержащий интенсифицированную семантику вербалива: *Резкое сбрасывание овечьей шкуры, а там – волк!* (Livejournal, 18.04.2014); *Сегодняшнее напяливание на себя овечьих шкур – лишь вынужденная мера* (Novostipmr.com, 08.09.2009), или преобразование притяжательного прилагательного *волчий* в субстантив: *Государством управляло мнимое, **волчье** под овечьей шкурой* (Д. Мережковский. Не мир, но меч).

Особое место в трансформационной парадигме ФБ *волк в овечьей шкуре* принадлежит особому типу структурно-семантического преобразования ФБ, основанном на взаимной замене компонентов в пределах структурно-семантической модели, выражающих контрастирующие элементы фразеологического значения и занимающих разные синтаксические позиции в структурной схеме фразеологизма, – **ролевой инверсии**. Однако ролевая инверсия в случае с *овцой в волчьей шкуре* оказывается не вполне типичной: реальная опасность субъекта превращается не в безопасность, а в опасность мнимую, задекларированную, но обычно ничем не подтвержденную: *Овцам не нужна волчья шкура... Овца никогда не сможет себя выдать за волка, даже если наденет волчью шкуру: Характер не тот* (Otvvet.mail.ru, 10.09.2010); *Саакашвили – овца в волчьей шкуре* (Korrespondent.net, 28.07.2017). Примечательно, что к семантике *овцы в волчьей шкуре* «кто-то слабый, незначительный, мнящий себя сильным» примыкает и «беззубый волк»: *Иногда беззубый волк стремится натянуть на себя оскаленную волчью шкуру* (В. Власенко. Афоризмы.рф). В ряде случаев *овцой в волчьей шкуре*, как и в случае с *волком в овечьей*, оказывается субъект невитальной семантики, как-то: *аккумуляторные батареи, автомобили, государство* и под.: *Высоковольтные аккумуляторы – овцы в волчьей шкуре* (Cz.pinterest.com); *Сверхдержава или*

овца в волчьей шкуре? Пять мифов о Китае (Politobzor.net, 20.03.2009). В таких случаях общая семантика инверсивного трансформы «кажущееся, но не соответствующее действительности» сохраняется.

В современной русской речи встречаем и факты **аллюзии** – намек на исходный, но легко узнаваемый ФБ: *Или ты воешь, или под овечьей шкурой «б-е-е-е»* (Inpearls.ru, 09.12.2015); *Все ждал удобного случая, старательно пряча в нагрудном кармане овечью чепуху* (И. Котова). Аллюзии сопутствует буквализация овечьей шкурки как одежды: *Берегитесь, овцы! У волков снова в моде овечьи шкуры!* (М. Генин).

Внешний преобразовательный потенциал ФБ *волк в овечьей шкуре*

Многочисленными оказались и **фразеологические конфигурации** (ФК) – структурно-семантические и стилистические единства, образуемые фразеологической единицей и ее актуализатором (словом, словосочетанием, предложением или группой предложений, семантически связанных с употребляемым в данном контексте ФБ).

ФК **первого типа** могут представлять собой более широкие сегменты текста, служащие семантизации, определению смыслового содержания ФБ, в частности, и путем своеобразного выделения из ВФ дистантно соположенных компонентов как трансформов ФБ: *Бессмертный народный фразеологизм «волк в овечьей шкуре» в последнее время приобрел повышенную актуальность. Подобных персонажей сейчас можно наблюдать во всех сферах и на всех уровнях. Один из ярких примеров политического лицемерия – деятельность А. Навального или М. Ходорковского, которые выводят людей на улицы, провоцируют их на агрессию, пока сами отсиживаются без серьезных последствий. Но если упомянутые оппозиционеры – фигуры вполне известные и официальные, их действия видны, а иногда и предсказуемы, то есть категория менее очевидных, но не менее опасных «**волков**». Это журналисты, редакторы и владельцы либеральных СМИ, которые в режиме «нон-стоп» отработывают проплаченные им медиа-заказы. В качестве «**овечьей шкуры**» у них заявления о борьбе за интересы людей и патриотизм.* (Pravda.ru, 25.11.2019). ФК подобного рода образуют своеобразное информационно-культурное поле с переплетением исконных аксиологических библейских и языковых сем, сопровождающих и поддерживающих актуализируемые узлы смыслов: *Эти жертвы лжи, пошедшие за ложными пастырями в овечьей шкуре* (Прот. Сергей Булгаков); *А вороватые волки этим пользуются и считают это шансом для себя, а на Украину им начхать – шкуру свою спасают с помощью народа, стада блеющих овец* (Cenzor.net, 08.12.2019). В контекстном окружении ФБ *волк в овечьей шкуре* встречается указание на «переодевание» одновременно в *белые одежды* (библейский символ нравственной чистоты) и *овечью шкуру* с вербализацией атрибутов зла *изощренный, коварный, опасный* в значении суперлатива: *А зло еще изощреннее и изощреннее, все коварнее и опаснее, потому что рядится в белые одежды и овечью шкуру* (Ю. Парашутов.

Господи, помилуй!). Актуализация сем «маска», «кажущаяся добродетель» происходит в ФК с вербальными маркерами противоположной аксиологической семантики: *Каким бы безобидным не выглядел волк в овечьей шкуре, он по своей сущности не перестает быть хищником, желающим заполучить кусочек доверчивого овечьего мяса* (Polit-gramota.ru, 16.01.2020), сопологающих в контекстном окружении реальное и мнимое: *Перед вами настоящие волчицы в овечьей шкуре. Беспощадные, хитрые и коварные, но такие понимающие и обаятельные* (Ex-press.by, 4.10.2019).

Фразеологический образ и структурно-семантическая модель ФБ *волк в овечьей шкуре* «срабатывает» и в самых неожиданных и непредсказуемых случаях его употребления с семантикой, определяющей отнюдь не двуличного человека, но алкогольный – безалкогольный напиток. Фразеологизм *волк в овечьей шкуре* вследствие авторской креативной апелляции своеобразно инкрустируется в иную модель на правах расширителя выражения, очень напоминающего по форме модель фразеологии субстандарта (ср. *запустить дурака* крим. жарг., *включить дурака* жарг. мол.): *запустить «волка в овечьей шкуре»* – пить не пьянея, употребляя водку вместе с чаем: *На половине чаши чая Коля захотел продолжить банкет. Решил запустить «волка в овечьей шкуре»: налил холодной водки в попавшийся под руку стакан, сделал маленький глоток чая, резко опрокинул водку и снова запил чаем, почти допил чашку. Коля с трудом переносил вкус алкоголя и постоянно поражался, как это люди спиваются. Этим же методом он мог безболезненно выпить достаточно много водки и после каждого подхода чувствовать в теле не только водочное, но и неподдельное чайное тепло* (С. Иванов. Подозрительные предметы).

В ФК второго типа оказываются включенными и иные инвариантные или трансформированные фразеологические единицы. За счет **фразеологического насыщения текста** – использования созвучных им по смыслу фразеологических актуализаторов происходит усиление семантики дезинформации, обмана, а через нее – и «прагмемной» сущности ФБ: *Композицию дополняет своеобразный водораздел, нумерованная вставка, водящая за нос читателя, подсовывающая ему невинного жертвенного агнца в шкуре козла отпущения* (Д. Коваленко. Рецензия на роман Г. Лайона «Дайте им умереть») (ср. *водить за нос* «обманывать, манипулировать, рождая в человеке ложные надежды и ожидания», *подсовывать* что кому «предлагать вниманию то, что не соответствует действительности», *жертвенный агнец* – жертвенное животное, упоминаемое во многих местах Ветхого Завета, олицетворение кротости, чистоты, непорочности, невинности (ср. атрибут невинного), *козел отпущения* «человек, вынужденный отвечать за вину других»). Фразеологическое насыщение текста может достигаться соположением ряда фразеологизмов, указывающих на конкретное обманное действие облаченного в чужую личину волка: *Загребать жар чужими руками* – это истинно британский стиль, заметил Ланселот. – *Изпод вашей овечьей шкуры вылезают истинно англий-*

ские волчьи уши (А. Смирнов. Бездна и Ланселот) (ср. *загребать жар чужими руками* «недобросовестно пользоваться результатами чужого труда в корыстных целях» и *уши торчат* «нечто тайное, становящееся явным»). Иногда в ФК в качестве актуализатора включается не фразеологизм, но устойчивое выражение с аксиологически противоположным: *Ангела Меркель: немецкий знак качества или волк в овечьей шкуре?* (Politrussia.com, 11.08.2016) (*немецкий знак качества* – всегда несомненно высокое качество, без обмана) или ироничным смыслом: *Оказывается, он не такой уж «белый и пушистый», как нам описывала его жена, – скорее «волк в овечьей шкуре»* (А. Бабин. Тихушник) (*белый и пушистый* ирон. «добрый; честный, добропорядочный»). В ряде случаев ФК идентифицирует у трансформ-инверсива *агнец в волчьей шкуре* особую семантику «кто-то кроткий и невинный пытался в силу сложившихся обстоятельств безуспешно разрешить ситуацию нетипичным для него способом – злобой и коварством» путем экспликации и столкновения сем «хищник – вынужденная жертва» с двойной актуализацией компонентов «жертвенный» и «волчья шкура» (последний – с расширителем «облезлая»): *Не хищник я, наверное... Нет, жертвенный агнец в облезлой волчьей шкуре. Втиснувшись в эту шкуру, разве избежал я своей судьбы?* (С. Ноён. Вольный стрелок) (ср. *жертвенный агнец* «ягненок, жертвенное животное (церк.)», перен. кроткий, невинный человек», *облезлый* «утративший качество → потерявший устрашающий вид», *влезть в чужую шкуру* «ставить себя на место кого-либо → лицемера» и *втиснуться* «с усилием войти во что-то несвойственное → чуждое»).

Многочисленные факты фразеологического насыщения текста другими устойчивыми выражениями, содержащими компонент «волк»: *А потом этот волк, сколько его ни кормили, сбросил овечью шкуру и вовсе стал поглядывать в сторону леса, то есть Европы – в надежде на новые кредиты и инвестиции* (Известия.ru, 09.07.2010) (ср. *Сколько волка ни корми, все в лес смотрит*), «шкура (шкурный)»: *Волк рядится в овечью шкуру ради своих шкурных интересов* (Zen.yandex.ru, 26.08.2019) (ср. *шкурный интерес*), а также иной зоофразеологией: *Лучше быть котом в мешке, чем волком в овечьей шкуре* (112ua, 19.04.2019) (ср. *покупать кота в мешке*). В отдельных случаях представлена контаминация двух единиц, одна из которых содержит аллюзию на интермедальную текстему: *Молчание волчицы в овечьей шкуре* (Obozrevatel.com, 14.02.2010) (ср. трансформ ФБ *волчица в овечьей шкуре* и название известного американского триллера Джонатана Демми «Молчание ягнят»). Соположенными с ФБ оказываются и фразеологизмы, семантически связанные с «волчьей натурой»: *Волков в овечьей шкуре можно найти в любой среде. Волки кажутся милыми снаружи, но они всегда покажут вам свои зубы* (Zen.yandex.ru, 23.04.2018) (ср. *показывать зубы* «вести себя жестко и агрессивно»). Еще один прием – широкая семантизация как контекстное соположение инварианта *волк в овечьей шкуре* и трансформ *овца в волчьей шкуре*: *Ты полгода ходишь овечкой, не смея сказать лишнего*

слова, но потом вдруг решаешь что-то изменить. И это не открытие волчьего характера, не сбрасывание овечьей шкуры. Это попытка натянуть на себя шкуру волка, двуличие, продиктованное чувством долга (Ficbook.net, 24.01.2020).

Интересным представляется пример контекстного соположения фразеологизмов *старый морской волк* и *волк в овечьей шкуре*, при котором статус старого морского волка приобретает не человек, но побывавший во многих походах военный корабль, из тактических соображений замаскированный под обычное мирное транспортное судно своеобразной «овечьей шкурой», а компонент *волк* буквализируется вместе со свойственным ему атрибутом – *острыми зубами*: *В Киле мы довели до совершенства все дуэжхстрехслойной маской* (У. Мор. История рейдера «Атлантис» 1940–1941).

Образ волка в овечьей шкуре встречаем и в высказываниях, построенных по моделям **афоризмов** и обнажающих с помощью контекстного окружения смысл библейского выражения: *И в овечьей шкуре волка зубы выдадут* (Inpearls.ru, 12.12.2014); *Страшен волк в овечьей шкуре, а не овца в шкуре волка* (О. Рыбаченко. Пугачев царь России). Обнаружены нами и афоризмы, созданные по модели с аллюзией на этот образ: *В овечью шкуру кто рядится, в друзья на точно не годится* (А. Козин. В овечью шкуру кто рядится?) (ср. *А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь*). Образ волка в овечьей шкуре и инверсива *овца в волчьей шкуре* оказываются сопоставленными в структуре паремийной модели: *Лучше овца в шкуре волка, чем волк в овечьей шкуре* (Inpearls.ru, 11.12.2019), ставшей базовой и для другого трансформационного афоризма: *Лучше кот в мешке, чем волк в овечьей шкуре* (Россия24, 14.10.2019).

Представлено в современной русской речи и **фразаообразование по модели** ФБ *волк в овечьей шкуре*, берущее начало от Эзопа (*Осла в лвиной шкуре по крику узнаешь*): *Ангел в шкуре демона* (Wattpad.com, 08.06.2017); *Но народ сер, но мудр, и чиновника в шкуре эколога уж как-нибудь разглядит. Я на 100% соглашусь с ощутимой тенденцией засилья чиновников в шкурах кого бы то ни было, директоров ме-дучереждений, эффективных менеджеров развития нанотехнологий...* (Livejournal.com, 02.09.2011). Интересными в этой связи оказываются и другие примеры: *На место волков в козлиной шкуре во власть пришли настоящие козлы* (Obkom.net, 16.05.2019) или *Козел отпущения в медвежьей шкуре* (Livejournal.com,

04.06.2018) (о положении России в мировой геополитике в связи санкциями).

Заметим: в «Антипословицах русского народа», собранных Х. Вальтером и В. Мокиенко, куда вошли и многие единицы со структурой фразеологизмов, трансформы ФБ *волк в овечьей шкуре* не представлены [19]. О том, насколько возросла социальная, а с ней и преобразовательная востребованность ФБ за последние 15 лет, свидетельствует богатейший репертуар его трансформов в современной русской речи, большинство из которых датированы последним десятилетием. Многие из приведенных здесь примеров могли бы с полным правом пополнить репертуар «Антипословиц» в обновленном их издании.

Трансформационная парадигма ФБ *волк в овечьей шкуре*, представленная в современной русской речи, – следствие его мощного преобразовательного потенциала, создаваемого и структурно-семантической моделью ФБ, и символическим значением его компонентов, и их системными связями на лексико-семантическом и грамматическом уровне. Однако комплекс собственно языковых преобразовательных стимулов не свидетельствует об исключительно системном их характере – во многих случаях трансформы выходят за границы предсказуемого системой в сферу лингвокреативных способностей и интенций автора, обнаруживая неожиданные и весьма нетривиальные речевые их реализации как на уровне формы, так и содержания. Преобразовательные импульсы, исходящие из узлов смыслов «материнского» фразеологизму библейского прототекста, оказываются востребованными в значительно меньшей мере, нежели собственно языковые, а обнаруженные нами в ходе анализа многочисленные текстовые реализации ФБ подтверждают практически полную его секуляризацию, переход в разряд функциональных текстовых единиц, лишенных сакральных коннотаций.

В целом и внутренние, и внешние трансформации ФБ *волк в овечьей шкуре* напоминают расширенную метафору, которая предполагает использование подобразов или добавочных образов, лежащих в основе ассоциативных метафор и группирующихся вокруг базовой метафоры. Возникновение метафорической цепи связано с ассоциативным мышлением. Данный прием предполагает создание ряда ассоциативных метафор, связанных с базовым значением фразеологического библеизма [20]. Структура такой расширенной метафоры может стать отдельным объектом анализа функционирования фразеологического библеизма в современной русской речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор созданных в постсоветское время словарей библеизмов, изданных до 2016 г., см. в работе [1. С. 337–341]. Ссылки на работы, посвященные изучению библеизмов и их восприятия современными носителями языка в славянском и европейском контексте, см. в работе [2. С. 176–184].

² Ср. «Волк и ягненок» – басня И.А. Крылова, «Волки и овцы» – пьеса А.Н. Островского, «Волки и овцы» (нем. *Wölfe und Schafe*) – фильм немецкого режиссера Вильма тен Хаафа (1971); «Волки и овцы: бееззумное превращение» – русский анимационный фильм (2016) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туркова-Зарайская М.О. Словари библеизмов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 2. С. 337–341.
2. Baláková D., Kováčová V. K výzkumu biblickej frazeológie. Ružomberok : KU Verbum, 2017. 234 s.

3. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М. : Астрель, 2010. 369 с.
4. Набока Е.Н. Семантические трансформации библейских протосообщений в современном английском политическом дискурсе // Записки з романо-германської філології. 2018. Вип. 1 (40). С. 152–158.
5. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. О специфике адаптации библейских сюжетов в европейских языках (*блудный сын* и его модификации). *Studia Rossica Gedanensia*. 2014. № 1. С. 76–88.
6. Архангельська А., Мерзова Р. Біблійний інтертекст в українському мовопросторі // У просторі мови і стилю. На пошану С. Я. Єрмоленко. Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019. С. 200–2012.
7. Неклюдова М. «Живые одежды»: концептуализация травести во французской литературе XVII века // Новое литературное обозрение. 2017. № 43, Т. 1. С. 1–17.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1987. Т. 1. С. 338.
9. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
10. Тресиддер Дж. Словарь символов. М. : Гранд; ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Аст-Пресс Книга, 2006. 784 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.Н. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023, [1] с.
13. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель; АСТ, 2008. 878 с.
14. Мокиенко В.М. Фразеологические библеизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб. : Петрополис, 1995. С. 143–158.
15. Мелерович А.М. К вопросу о системной обусловленности индивидуально-авторских преобразований семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологизмы в системе языковых уровней. Л. : ЛГПИ, 1986. С. 104–113.
16. Третьякова И.Ю. Оказиональная фразеология. Кострома : Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.
17. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Введение // Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М. : АСТ, 2005. С. 3–35.
18. Загребельный А.В. Авторские пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения русского языка 1905–1907 гг., образованные на базе генерализированных структурных моделей паремий-источников // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 27–43.
19. Вальтер Х., Мокиенко В. Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 574 с.
20. Naciscione A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga : Latvian Academy of Culture, 2001. 283 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 октября 2020 г.

Transformational Potential of the Biblical Idiom “A Wolf in Sheep’s Clothing” in Modern Russian Speech

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/462/1

Alla M. Arkhanhelska, Palacký University Olomouc (Olomouc, Czech Republic). E-mail: alla_arkhanhelska@yahoo.com

Keywords: biblical idiom; defamiliarization; media; Russian speech; phraseological model; transformation; transformational paradigm; internal transformational potential; external transformational potential.

The article deals with the defamiliarization of the biblical idiom “*a wolf in sheep’s clothing*” in the modern Russian media reality and speech, and with the transformational potential of this unit. Based on the transformational paradigm of the idiom “*a wolf in sheep’s clothing*” in the horizontal analytical dimension, the article aims to identify the incentives of its transformation (internal phraseological modelling) and formation according to the model (external phraseological modelling), to track its temporal and sociocultural markedness inscribing it into the cultural and ideological context of the newest era, and to reveal the complex of linguistic and non-linguistic factors “provoking” the author of the media text to make the transformational updates which make the contextual (semantic and formal) reinterpretation of the idiom possible. Within the boundaries of the transformational paradigm at the level of its inner and outer vectors, the symbolic meanings of the components and the role of “metaphor of dressing up” in deceitful garments, semantic and structural-semantic transformations (amplification, substitution, implication, double actualization of certain components of the phraseological unit, morphological transformations, deformation of the syntax model, and role inversion), the role of phraseological configuration as an incentive for updating the biblical idiom as well as the facts of phraseological modelling are considered. The article focuses on the heteromorphism of phraseological transformations (semantic, structural-semantic, including morphological ones) with one of the types dominating. Particular attention is paid to both the systemic and non-systemic nature of phraseological transformations and the influence of semantics and pragmatics of the original biblical prototext on the transformative potential of the idiom “*a wolf in sheep’s clothing*”. Following the investigation, it has been found out that the transformative impulses emanating from the semantic and cultural meaning of the original biblical prototext are in demand to a much lesser extent than the linguistic ones (potential of the structural-semantic model of the idiom, symbolic value of its components as well as their systemic connections at the lexical-semantic and grammatical level), which confirms the secularization of the biblical expression and its transition to the category of functional textual units. The study is performed on the material of fiction, Russian printed and electronic media as well as Internet forums and blogs of the beginning of the 21st century. Using the methods of the textual identification of transformations, phraseological modelling, as well as component variable, historical-etymological and linguocultural analysis, the biblical idiom is considered a text-formative element.

REFERENCES

1. Turkova-Zarayskaya, M.O. (2016) Dictionaries of biblical expressions. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Herald of Tver State University. Series: Philology*. 2. pp. 337–341. (In Russian).
2. Baláková, D. & Kováčová, V. (2017) *K výzkumu biblickej frazeológie*. Ružomberok: KU Verbum.
3. Mokienko, V.M., Lilich, G.A. & Trofimkina, O.I. (2010) *Tolkovyj slovar' biblejskikh vyrazhenij i slov* [Explanatory dictionary of biblical expressions and words]. Moscow: Astrel'.
4. Naboka, E.N. (2018) Semanticheskie transformatsii biblejskikh protosoobshchenij v sovremennom anglijskom politicheskom diskurse [Semantic transformations of biblical proto-messages in modern English political discourse]. *Zapiski z romano-germans'koj filologii*. 1 (40). pp. 152–158.
5. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2014) About specific language adaptation of biblical subjects in European languages (Prodigal son and its modifications). *Studia Rossica Gedanensia*. 1. pp. 76–88. (In Russian).

6. Arkhangel'ska, A. & Merzova, R. (2019) Bibliyniy intertekst v ukrains'komu movoprostori [Biblical intertext in the ukrainian linguistic space]. In: *U prostori movi i stil'yu. Na poshanu S.Ya. Ermolenko* [In the space of language and style. In honor of S.Ya. Ermolenko]. Kyiv: Vidavniy dim Dmitra Burago. pp. 200–2012.
7. Neklyudova, M. (2017) "Lzhivye odezhdy": kontseptualizatsiya travesti vo frantsuzskoy literature XVII veka ["Lying clothes": conceptualization of travesty in French literature of the 17th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 43 (1). pp. 1–17.
8. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Progress. p. 338.
9. Trubachev, O.N. (1960) *Proiskhozhdenie nazvaniy domashnikh zhivotnykh v slavyanskikh yazykakh* [The origin of the names of domestic animals in the Slavic languages]. Moscow: USSR AS.
10. Tresidder, J. (1999) *Slovar' simvolov* [The complete dictionary of symbols]. Translated from English. Moscow: Grand; FAIR-Press.
11. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy* [A large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Culturological commentary]. Moscow: Ast-Press Kniga.
12. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.N. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [A large dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
13. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [A phraseological dictionary of the Russian standard language]. Moscow: Astrel'; AST.
14. Mokienko, V.M. (1995) Frazeologicheskie bibleizmy v sovremennoy tekste [Phraseological biblical idioms in the modern text]. In: Dmitriev, P.A. et al. (eds) *Bibliya i vrozhdzenie dukhovnoy kul'tury russkogo i drugikh slavyanskikh narodov* [Bible and the revival of the spiritual culture of the Russian and other Slavic peoples]. St. Petersburg: Petropolis. pp. 143–158.
15. Melerovich, A.M. (1986) K voprosu o sistemnoy obuslovlennosti individual'no-avtorskikh preobrazovaniy semanticheskoy struktury frazeologicheskikh edinit [On the systemic conditionality of individual authorial transformations of the semantic structure of phraseological units]. In: *Frazeologizmy v sisteme yazykovykh urovney* [Phraseological units in the system of linguistic levels]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 104–113.
16. Tret'yakova, I.Yu. (2011) *Okkazional'naya frazeologiya* [Occasional phraseology]. Kostroma: Kostroma State University.
17. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2005) *Frazeologizmy v russkoy rechi. Slovar'* [Phraseologisms in Russian speech. Dictionary]. Moscow: AST. pp. 3–35.
18. Zagrebel'nyy, A.V. (2019) Authorial proverbs, sayings and proverbial expressions of the Russian language of 1905-07 formed on the basis of generalized structural models of source paroemias. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 27–43. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/443/4
19. Walter, H. & Mokienko, V. (2005) *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. St. Petersburg: Neva.
20. Naciscione, A. (2001) *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture.

Received: 16 October 2020